

ОН БЫЛ баловнем судьбы — Батыр Закиров. Не казался им, а был. Легко поступил в консерваторию, без большого труда закончил четыре курса вокального факультета, а потом перевелся на режиссерский, в ГИТИС, и защитил диплом, считаясь способнейшим учеником известного режиссера А. О. Гиззбурга.

В двадцать девять лет — звание народного артиста республики. Композиторы и поэты атакуя своими новыми сочинениями, слушатели — письмами благодарности и просьбами выслать пластинки с его записями... Пройдет время, он займется живописью — он, не получивший специального художественного образования, — и профессиональные живописцы отметят незаурядное дарование. А стоит Батыру взяться за перо, как редакторы поспешат опубликовать его первый рассказ...

Одаренность Закирова меня удивляла и

этом врачи — Батыру не поздоровилось бы. Но он не мог иначе.

Чем объяснить это жизнелюбие, стойкость?

Память подсказывает: был Владимир Скуйбин, кинорежиссер, смертельно больной, не способный шевельнуть пальцем, в муках произносивший каждое слово и тем не менее снимавший фильмы. И какие фильмы!

Очевидно, чем ближе видишь смерть, тем острее жажда жизни.

Акбаров рассказывал, что однажды на репетиции в Кремлевском театре Закирову аккомпанировал оркестр Большого театра Союза ССР. Коллектив, работающий с мировыми знаменитостями. Так вот, после песни «Маробобус», исполненной Закировым, музыканты стали аплодировать ему. Молодому узбекскому певцу, «эстраднику». Традиционной песне с ее по-восточному

Отец, Карим-ака, волнуясь за сына, боясь провала, вооружился кетменем и ушел от телевизора подальше — в сад, окучивать яблоню. Но едва услышав голос сына, бросил кетмень и рванулся к экрану...

Так началась вторая жизнь Батыра Закирова в искусстве.

Закиров много поет и у нас в стране, и за рубежом. Вместе с группой популярных советских артистов выступает в Париже. Одна из газет называет его «русским Шарлем Азнавуром».

С тех пор прошло несколько лет. Достаточно много времени, чтобы определилась степень популярности певца, устойчивость славы. Он по-прежнему любим публикой.

Дело, видимо, в том, что на каждой песне Закирова лежит, как говорили в старину, «чехан его души», безмерно чуткой, ранимой, с «низким болевым порогом», как выражаются сейчас. Он выплескивает в песнях нашу с вами жажду добра, понимания, дружбы, мечту о мире, о завтрашнем дне.

«ДЕВЯТЬ МУЗ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ

«ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ»

заботила: как сложится его дальнейшая жизнь?

Вопрос отнюдь не риторический. Достаточно известен весьма невеселый вариант судьбы вундеркиндов, которые «нарифмовав похлебе пару страни в толстом журнале, сорвав хлопья на ответственной вечеринке, уже рвут толстые авансы, уже бродят важным кандибобером по писательским ресторанам, уже пудрят фиолетовые круги под глазами и хулиганят на площадях в ожидании памятников себе...» (М. Кольцов).

...Судьба, щедро подарив Закирову множество талантов, поставила его перед жестким испытанием.

Батыр заболел. Болезнь поразила легкие. Речь шла не о том, будет ли он петь, — под вопросом была сама жизнь. Были минуты, когда казалось, что бороться нет смысла.

И в этот трудный момент рядом с певцом из Узбекистана оказался Сергей Николаевич Анохин, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР. Его привел в больницу тот же недуг, что Закирова. Опасаясь, что врачи «забракуют» его, отстранят от полетов, летчик не устал доказывать, что вполне пригоден к работе испытателя.

Дружба с Анохиным зарядила Батыра столь могучей жаждой жизни, что и выдавший виды ас нуждался в нем не меньше, чем тот в Анохине.

Известный хирург лауреат Ленинской премии Лев Константинович Богущ вспоминал:

— Знаете, как Батыр вел себя у нас? Незадолго до операции насмешил всех до слез, рассказал веселую историю... Уехал после тяжелой операции с улыбкой...

До и после больницы Закиров находился в подмосковном санатории имени Герцена и получил здесь кучу шуточных прозвищ: «возмутитель спокойствия», «юла», «вихрь»... За что? Сколотил волейбольную команду — из больных-то людей! — и часами пропадал на площадке. Читал, писал, рисовал...

А еще он пел. Друг Закирова, композитор Икрам Акбаров, уступая его настойчивым просьбам, привозил ему костюм, и они уезжали в Москву. Репетировали, записывались на радио, давали концерты... Узнай об

меланхолической, минорной мелодией, «открытым» текстом, без особой, может быть, психологической глубины и оттенков:

Прикоснись губами к моим губам...

И не печалься...
Да, на рассвете — казнь,
Но я не умру, я бессмертен,
Как бессмертна наша борьба!

Закиров ничего не меняет ни в музыке, ни в тексте, но относится к песне как к мовологу живого человека, которому умирать не в песне — в жизни. А так и было с автором «Маробобуса», одним из коммунистов Востока. Его последняя в жизни ночь, его гибель словно стояли перед глазами певца... И песня перестала быть просто песней — ее пронизала боль. Его, Закирова. И его гнев оттого, что совершается несправедливость. И вера в то, что человек умирает недаром: И гордое достоинство личности. не желающей унижаться перед убийцами, вымаливать прощение...

ИЗ МОСКВЫ Закиров уезжает в Шахимардан отдохнуть после операции.

Неотвязна мысль: сможет ли он вернуться на эстраду? За спиной — три года болезни, молчания. Да, он выступал в Москве, но это эпизоды, этого мало, он потерял форму. А без песни он вообще не сможет — жизнь не в жизнь!

Ему нужно тренированное легкое, и он надувает шары и мячи. Детские шары и мячи шахимарданской ребятни. И ходит по горам. Вверх — вниз, вверх — вниз. До пота, до полного изнеможения.

Батыр избегает говорить с женой на темы о будущем: вдруг сорвется, ничего не выйдет? Но Эрка Маликбаева, Ира (так называет ее Батыр), обо всем догадывается и делает все, чтобы мечта сбылась. Батыр — в гору, Ира — с ним: дорогу осилит идущий... вавоем. Акбаров и поэт Тураб сочиняют для Закирова новую песню. Батыр работает над текстом, вслушивается в мелодию, пробует петь. Ира — опять же рядом: слушает, ободряет, осторожно советует...

Наконец наступил день концерта, вернее, вечер. Его давали в Москве, в Политтехническом музее. Транслировали по Центральному телевидению, и вся семья Закировых, «поющая династия», собралась в доме родителей.

...ЕГО ТЕПЕРЬ не то чтобы тяготил успех — просто почувствовал, что он легко дается. И смущал разрыв между жизнью, чувствами современного человека Востока (разнообразными, неоднозначными) и традиционными, подчас стандартными текстами, в которых описываются «переживания», заканчивающиеся обычно мольбой: «О, когда же придешь, возлюбленная?»

— Вот послушай, — говорил Батыр, — Назым Хикмет. Про любовь, но в каком повороте темы!

Был великан с голубыми глазами, Он любил женщину маленького роста. А она устала идти с ним рядом дорогой великанов,

...и захотелось отдохнуть в уютном домике с садом. — Прощай! — сказала она голубым глазам. И ее увел состоятельный карлик в маленький дом, где растет под онном цветущая жимолость...

Закирова не устраивает больше и прежняя манера пения, сладкоголосая, «сахарная», как он выражается.

— Нельзя! В какое время живем! Хочется быть яростным...

Он знал, что рискует. Ведь публика не сразу принимает крутые повороты, отказ от ампулы. Так случилось и с ним. Один из слушателей как-то сказал ему: «Вы стали петь хуже, Батыр-ака...»

А Батыр-ака продолжал поиски. Новый успех принесла ему «Песня о друге» Массиаса, песня протеста. Вспоминается тот концерт.

Тревожное, грозное тремоло вступления к песне. Закиров замер у микрофона. Суровый, гневный, напряженный. Рыцарь на сцене, и не узнать в нем Закирова времени «Арабского танго», кудрявого, нежного, голубого. И сцена выглядела трибуной, а слушатели в зале — участниками митинга в защиту мира.

И совсем иначе, чем раньше, прозвучали аплодисменты после того, как он кончил петь. Без вздохов и ахов. Аплодисменты крепкие, как мужское рукопожатие.

Закиров и теперь остается певцом-лириком, но лириком, опаленным солнцем жизни, закаленным ее ветрами.

Вы думаете, он успокоился? Куда там! Через некоторое время Закиров сложил с себя полномочия художественного руководителя эстрадного оркестра Узбекистана и создал новый ансамбль. Из молодых парней, студентов консерватории. Почти год они собирались где придется и репетировали. Дебют ансамбля состоялся в этом году.

Но я не уверен, что и теперь Закиров «остепенился»...

Ф. ХОДЖАЕВ.

Ташкент.